

Независимая газета

Коммунисты и демократия

Молдавские уроки для России

2009-04-29 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

То, что происходит в других странах и прежде всего в наших бывших «братских советских» республиках, позволяет нам лучше понять самих себя. Если мы видим то же, что у нас, мы начинаем понимать, что наши процессы – не уникальны. Если мы отмечаем что-то совсем другое, то задумываемся, почему у нас не так. А в некоторых странах как бы реализовался альтернативный вариант нашей истории, и мы видим, что было бы, если бы «русский витязь», стоявший в свое время «на распутье», пошел не «направо», а «налево».

В этом отношении особенно интересна Молдавия, о которой так много в последнее время писали в связи с недавним «бунтом» молдавской демократической оппозиции. Там не президент-«реформатор» разогнал парламент, как это произошло у нас в 1993 году, а парламент, боровшийся с президентом Петром Лучинским, изменил Конституцию, установив в 2000 году парламентскую республику. Это произошло из-за слишком уж больших раздоров в лагере молдавских демократов и открыло путь коммунистам. На парламентских выборах 2001 года они неожиданно для демократов побеждают и выбирают, теперь уже в парламенте, президентом своего лидера Воронина. С тех пор коммунисты побеждают третий раз подряд. Таким образом, в Молдавии произошло именно то, чего панически боялись русские демократы в 90-е годы. Именно из-за страха перед этой перспективой они призывали Ельцина разогнать парламент, одобрили октябрьский переворот 1993 года, радовались принятию «суперпрезидентской» Конституции на более чем сомнительном референдуме, помогали Ельцину в чудовищной избирательной кампании 1996 года, призывали запретить КПРФ и даже в 1999 году поддерживали Путина, убоявшись не коммуниста, но все же как-то подозрительно мягкого к коммунистам Примакова. К чему это привело у нас, мы знаем. К чему же привел в Молдавии противоположный выбор?

Перестроившиеся

Он не привел Молдавию к богатству и счастью. Молдавия – очень бедная страна. Такая же бедная, какой была бы Россия, если бы у нее не было нефти и газа, а ее самая промышленно развитая часть (скажем, Урал) провозгласила независимость, как Приднестровье, и в ней стояли бы, допустим, китайские миротворцы. Но он не привел ни к «коммунизму», ни к отказу от демократии и ликвидации оппозиции, ни к отказу от рыночных реформ. Придя к власти демократическим путем, Воронин действительно искренне принял демократические нормы. Отчасти это было следствием чисто идеологической эволюции, отчасти же, очевидно, – понимания того, что к единственному коммунистическому президенту Европы отношение

будет заведомо настроенное и предвзятое и в его ситуации «честность – лучшая политика». Построение европейской демократии и интеграция в Европу становятся для Воронина центральными идеями, и коммунисты принимают множество законов, фактически продиктованных европейскими инстанциями и сближающих молдавские нормы с европейскими. Так, по принятому голосами коммунистов закону в Центральной избирательной комиссии сейчас из девяти членов пять – представители оппозиции. Воронин сказал, когда принималась серия таких законов: «Сегодня коммунисты у власти. Но мы, наверное, не будем у власти 74 года, как в Советском Союзе. Поэтому мы сотрудничаем с оппозицией, отдаем ей под контроль ЦИК, службу безопасности, Счетную палату... Но пусть они помнят об этом и тогда, когда придут к власти». (Я думаю, если читатель представит себе такую фразу в устах Ельцина или Путина, ему невольно станет смешно.) А в сфере экономической политики Воронин в конце концов взял за образец ультралиберальную Эстонию. Прodelав колоссальную эволюцию, молдавские коммунисты тем не менее не меняют название своей партии и утверждают, что именно так они борются за «правильно понятые идеалы социализма», к которому, как они полагают, движется вся Европа, и Воронин регулярно подносит цветы к памятнику Ленину.

Анатомия оппозиции

Молдавская правая антикоммунистическая оппозиция состоит из множества небольших и совсем крохотных партий, отношения между которыми такие же «сложные», как в рядах нашей оппозиции, и уследить за возникновением, объединениями, расколами, взаимными обвинениями и исчезновениями которых так же трудно, как у нас. Это – общая черта постсоветских интеллигентских правых, у которых везде и всегда слишком много претендентов на лидерство. В этой оппозиции можно выделить два очень разных течения.

Во-первых, это «румынисты», интеллигенция, особенно молодая, считающие, что молдаване – румыны, а потому Молдавии надо войти в Румынию и таким путем стать полноценной частью Европы. Для них коммунизм – символ молдавской отсталости. В отличие от российских студентов кишиневские очень легко устраивают всякие митинги и демонстрации, которые, однако, обычно были веселыми и не «буйными». Во время последних выборов они выбросили лозунг: «Спаси Молдавию, спрячь бабушкин паспорт!» (чтобы бабушка не смогла проголосовать за коммунистов). Во-вторых, это молдавская советская номенклатура. На рубеже 80-х и 90-х годов эти люди, как большая часть номенклатуры в постсоветском мире, с удивительной легкостью оставили Компартию и коммунистическую идеологию и стали рыночниками и демократами. Коммунистов они ненавидят, ибо их победа не только отстранила их от власти, но еще и оставила в дураках – ведь никто из них не мог себе представить, что для карьеры надо было не убегать из тонущей Компартии, а оставаться в ней. Эта часть оппозиции, смотря по обстоятельствам, иногда очень прорумынская и прозападная, а иногда и пророссийская. Молдавская правая оппозиция значительно сильнее теперешней российской оппозиции (и правой, и левой вместе), но объединяет ее только

антикоммунизм и только на короткое время, а принятый (при демократах, а не при коммунистах) закон о шестипроцентном барьере для прохождения в парламент приводит ее к потере многих голосов.

В 2005 году коммунисты победили во второй раз. В это время молдавскую оппозицию (прежде всего ее номенклатурную и не «румынистскую» часть) активно поддерживала Россия, которая не могла простить Воронину отказа от «плана Козака» (согласно этому документу, Приднестровье объединялось с Молдавией в некое подобие конфедерации, а российские войска оставались в нем еще на 20 лет) и ставшей уже очевидной его проевропейской ориентации. Имея поддержку России, оппозиционные лидеры думали, что Запад тоже не станет поддерживать коммунистов против демократов и легко согласится с тем, что если демократы обвиняют коммунистов в фальсификации, то, наверное, так оно и есть. Оппозиция вышла на площадь в намерении устроить свою цветную революцию. Но Воронин пригласил на выборы громадное количество западных наблюдателей, и все они подтвердили, что выборы прошли честно. В лагере оппозиции тут же начались раздоры, митингующие постояли и разошлись.

Пороки левых и правых

Период между 2005 и 2009 годами принес ряд поражений коммунистов на местных выборах. Коммунисты готовились к переходу в оппозицию, и Воронин так комментировал их поражения: «Как бы хороши мы ни были, к нам могли просто привыкнуть и от нас могли просто устать». Демократам, в лагере которых готовые к диалогу с властями партии были оттеснены крайними антикоммунистами, удалось в 2007 году победить на выборах в Кишиневе. Но, очевидно, именно это помешало им одержать победу на парламентских выборах 2009 года, с которыми у них были связаны большие ожидания, ибо кишиневское муниципальное собрание превратилось в подобие парламента 90-х годов с неустойчивыми коалициями, дележом портфелей и скандалами. Молдавские избиратели хотя и устали от коммунистов, но испугались, и коммунисты победили в третий раз.

Это было для оппозиции страшным разочарованием, и на этот раз митинг протеста привел к погрому – часть митингующих разгромили президентскую резиденцию и здание парламента, откуда выносились компьютеры и т.д. В этой ситуации вряд ли можно было бы упрекать Воронина, если бы он отдал приказ стрелять. Но он такого приказа не отдал. Более того, хотя опять-таки все западные наблюдатели признали выборы честными и трудно даже понять, как могут быть организованы массовые фальсификации, когда в избирательных комиссиях большинство у оппозиции, он обратился в Конституционный суд с просьбой вынести решение о пересчете голосов. Пересчет подтвердил ранее опубликованные ЦИКом данные. Затем он объявил об амнистии участникам беспорядков. Чтобы оценить действия Воронина, надо представить себе такую картину: в России коммунисты обвиняют нашу демократическую власть в фальсификации итогов выборов и устраивают беспорядки в столице. Что они получили бы вместо пересчета голосов, представить нетрудно.

Я не хочу создавать идиллический образ молдавских коммунистов. Если Воронин и его окружение действительно приняли демократические

ценности, то вряд ли это можно сказать про всю партию и тем более про ее электорат, в основном такой же традиционалистский, как электорат наших коммунистов. Если пороком молдавских правых является «пещерный», как выражалась советская пропаганда, антикоммунизм, то пороком коммунистов – тоже «пещерный» догматический антирумынизм, иногда принимающий болезненные формы. Есть, наверное, у молдавских коммунистов и другие грехи. Если в 2000 году за коммунистов голосовали как за «партию надежды», то сейчас скорее как за «меньшее зло» по сравнению с перспективой нестабильности, неизбежной при победе неустойчивой коалиции, партии которой постоянно грызутся друг с другом. Для молдавской демократии необходимы создание более или менее единой и ответственной правой оппозиции, ее приход к власти и переход коммунистов в оппозицию.

Игра и правила

Но самый важный для нас «молдавский урок» заключается в том, что победа коммунистов не сделала Молдавию управляемой имитационной демократией, как сделала Россию победа Ельцина и демократов. Молдавия в свое время избрала путь, противоположный российскому. Русский витязь, постояв на распутье, выбрал естественный и легкий путь подавления оппонентов и недопущения их к власти любой ценой. Молдавия «нечаянно» пустила коммунистов к власти. И сейчас она неизмеримо ближе к демократии, чем мы. Выборы в Молдавии – реальные выборы. И это подтверждают все западные рейтинги демократии, по которым Молдавия имеет среди стран СНГ самую высокую оценку демократии после Украины, значительно более высокую, чем Россия. В рейтингах «Фридом хауз» 7 – максимальный уровень авторитаризма, а 1 – демократии. Оценка России – 5,5, Молдавии – 3,5, Украины – 3.

Конечно, нельзя просто отождествлять последствия прихода к власти молдавских коммунистов с возможными последствиями прихода наших в 90-х годах. Молдавские коммунисты образца 2000 года были ничуть не менее ортодоксальны, чем наши. Но в их идеологии не было специфически «имперского» компонента идеологии наших коммунистов, и «геополитика», так любимая Зюгановым, в идеологии Воронина никогда роли не играла. (Но это – общероссийская болезнь, у нас и правые за «либеральную империю».) Может быть, на эволюцию молдавских коммунистов повлияли разные факторы, которые не присутствуют в России (близость Европы, размеры страны и т.д.). Может быть, Воронин просто «лучше» Зюганова. Стопроцентной гарантии, что соблюдение российскими демократами в 90-е годы «правил игры» и победа коммунистов так же не привели бы к ликвидации демократии, как победа молдавских коммунистов, дать нельзя. Но игра по правилам не может быть без риска. Стопроцентные гарантии могут быть только при жульнической игре. А демократия – это по определению честная игра по правилам. И если от демократических правил отступают сами демократы, то надежду на их утверждение вообще можно оставить.

Авторитарные системы в наше время создаются не «убежденными сторонниками авторитаризма», так же как коррупция процветает не из-за «убежденных сторонников взяточничества». Взятчик может даже мечтать

о честном обществе, где взятки не будут. Но ему просто очень нужны деньги. И правитель, создающий авторитарную систему, вполне может быть идейным приверженцем демократии. Просто ему не хочется отдавать власть, тем более в руки неприятной ему, все время говорящей о нем гадости оппозиции. Он может быть даже искренне убежден (убедить себя не так трудно), что его противники настолько плохи, что в борьбе с ними временное отступление от правил просто неизбежно. Затем временные отступления становятся системой, выйти из которой уже невозможно. Как начавший брать взятки чиновник уже не может жить на зарплату. Для демократии нужно только одно – готовность «играть по правилам», минимальная честность, а как идеологически мотивируется эта готовность (просто «западнической» ориентацией, «правильным прочтением» Маркса и Ленина, как у Воронина, или «правильным прочтением» Корана) – личное дело игроков. У российских демократов и антикоммунистов, при всем их желании ввести Россию в «цивилизованный мир», этой готовности «играть по правилам» не было вообще. Не только у Ельцина и Путина, но и у самых что ни на есть либеральных интеллектуалов. Есть ли эта готовность у молдавских демократов – не совсем ясно. Но у молдавского президента-коммуниста, милицейского генерала с лицом и манерами, напоминающими покойного генерала Лебедея, она есть. Поэтому к «цивилизованному миру» Молдавия при всех своих бедах и недостатках значительно ближе, чем Россия.